

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/18/12

МНОГООБРАЗИЕ УПРАВЛЯЕМОСТИ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Айталиа Афанасьевна Иванова,
Флориан Маркус Штаммлер

Аннотация. У многих коренных народов Арктики есть более длительный опыт взаимодействия с местными природными ресурсами, чем у русских или других государственных народов. Какие именно подходы к управлению ресурсами и территорией существуют у коренных народов? В чем эти подходы отличаются друг от друга? В статье дается анализ отношений двух народов к управлению природными ресурсами на своей земле в условиях наличия общего регулирования российским государством, которое принимает законы, основанные на экстрактивизме. На материале полевых исследований показана ценность изучения традиций лидерства и того, что мы называем «тягой к государственности» у якутов-саха и ненцев. Мы анализируем, почему народ саха старается обеспечить свое участие в освоении Арктики через принятие региональных законов, в то время как ненцы, наоборот, сосредоточены прежде всего на решении проблем в отношениях с промышленностью, которые непосредственно касаются ведения их оленеводческого и рыболовного образа жизни. Это становится понятным, когда мы учитываем историю специфического социального строя каждого народа и его традиционные институты руководства. В ходе сравнения раскрывается неожиданно богатое разнообразие практик управления природными ресурсами в «этнической» Российской Арктике, сосуществующих в общих рамках единого правового пространства, созданного законами о деятельности добывающей промышленности в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовые традиции коренных народов, управление природными ресурсами, Арктическая добывающая промышленность, экстрактивизм, саха (якуты), ненцы

Введение: подходы к эксплуатации ресурсов

Можно ли добывать нефть, газ, уголь, золото или алмазы на оленьих пастбищах, охотничьих и рыболовных угодьях? Или наоборот, можно ли пасти оленей и охотиться на крупнейших в мире залежах нефти, газа и полезных ископаемых? Как и большинство других государств, Россия создала законодательство, основанное на экстрактивизме. Эта модель отношения человека с природой в последние годы описывалась на примере латиноамериканских стран, где критики наблюдали варварское отношение к природе со стороны компаний и государств, которые

продолжают колониальные отношения эксплуатации (Acosta 2013). Однако идея доминирования человека над природой прослеживается и в идеологии раннего Советского Союза (Bolotova 2012): природа не имеет ни ценности, ни смысла сама по себе, ее ценность раскрывается только тогда, когда человек использует природные ресурсы для своего существования на этой земле.

Мы можем наблюдать такую модель доминирования в Арктике в целом и в Сибири в частности. Здесь экстрактивизм в своем постсоветском выражении оказал влияние и на ценности коренных и местных жителей (Stammler, Ivanova 2016). Но как эти ценности сочетаются с плюрализмом использования ресурсов на землях коренных народов? Одновременное существование нескольких видов землепользования на одной территории становится все больше нормой, чем исключением. Сравнение различных регулятивных режимов помогает нам понять направленность процесса доминирования, которую С. Рейна и А. Берендс (Reyna, Behrends 2011) определяют как ключевой фактор, обуславливающий наличие или отсутствие конфликтов в процессе извлечения ресурсов.

В России государство на федеральном уровне осуществляет так называемое грубое доминирование (*crude domination*) в процессе извлечения ресурсов (Behrends, Reyna, Schlee 2011), потому что контролирует все недра, используя федеральное законодательство, которое должно одинаково работать во всех уголках огромной территории. Система российского законодательства определяет верховенство федеральных законов, тем самым представляя Россию как единое правовое пространство. Тем не менее в каждом регионе социальная жизнь закона осуществляется иначе. Мы считаем, что это лучше всего можно объяснить, используя антропологический анализ правовых традиций и мировоззрения коренных народов.

В экстремальных условиях, таких как пустыня или Арктика, физическое выживание и использование любого ресурса требуют больших человеческих усилий, ресурсы здесь обладают иной «телесностью» (*corporeality*), чем в условиях умеренного климата. Общества в таких условиях не используют революционные достижения неолита – не переходят к ведению сельского хозяйства производящего типа. Окружающая среда Арктики предполагает кочевой образ жизни, поскольку люди должны полагаться на ресурсы, находящиеся на поверхности с очень малой плотностью. То есть особенность арктической телесности заключается в том, что поверхностные ресурсы редки, разбросаны в пространстве и непредсказуемы (Behnke et al. 2011), в то время как ресурсы подземных ископаемых многочисленны и сконцентрированы (Добрецов, Похиленко 2010). Конечные подземные ресурсы (углеводороды, полезные ископаемые) в основном регулируются с позиции оседлого управленческого мировоззрения человеческого превосходства над

природой, в котором единственная ценность окружающей среды связывается со скрытыми ресурсами, ожидающими своей добычи (Nadasdy 2007: 223). Одновременно на той же земле люди сталкиваются с очень рассеянной телесностью поверхностных ресурсов, таких как пастбища, дикоросы, рыба. На протяжении веков человеческие сообщества разработали достаточно разумную систему использования этих ресурсов с помощью постоянного перемещения, например путем повторения кочевых сезонных циклов на северном олене. Хотя эта система, как любая жизнь на нашей планете, зависит от использования природных ресурсов, она основывается не на экстрактивизме, т.е. доминировании над природой и ее эксплуатации, а наоборот, на партнерстве с окружающей средой, равноправной частью которой чувствует себя такой человек-пользователь, как оленевод (Stammler 2005a: 213–217).

Как разные народы в Арктике, у которых есть более длительный опыт взаимодействия с ее ресурсами, чем у русских или других государственных народов, подходят к управлению ресурсами и их территориями, и в чем эти подходы отличаются друг от друга? Полевые исследования на двух примерах показывают ценность изучения традиции лидерства у таких народов для лучшего понимания их амбиций и отношения к участию в процессе промышленного освоения Арктики.

Коренные народы в рамках государственного управления ресурсами

Поскольку коренные народы были включены в территориальные национальные государства, многие из них стали оседлыми и сами приняли управленческое мировоззрение, опирающееся на экстрактивизм (Nadasdy 2007). Их отношения с промышленностью разворачиваются в рамках правового поля, основанного на платформе национального государства, что стало определяющей моделью управления после Вестфальского мирного договора 1648 г. (Shadian 2014). Этот договор защищает право национального государства на эксклюзивный доступ к земле и ресурсам на своей территории, а также право на оборону от вторжений других претендентов на использование данных ресурсов. Это существенно отличается от мировоззрения коренных жителей, основанного на партнерстве с землей и сотрудничестве с другими пользователями на взаимовыгодных условиях.

Ниже мы показываем, как два коренных народа Российской Арктики внутри поствестфальского национального государства, действующего в логике экстрактивизма, выбирают подход к управлению своими ресурсами, отражающий их традиции. Подчеркиваем, что это происходит не против, не вопреки государственному регулированию на уровне федерального законодательства, а в том пространстве, которое федеральные

законы оставляют свободным, поскольку они должны быть достаточно общими для всех субъектов, вместо того чтобы учитывать традиции и специфику отдельных этнических групп или территорий.

Читатели могут помнить энтузиазм в некоторых регионах РСФСР, когда Б. Ельцин произносил значимые для 1990 г. слова: «...берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»¹. На примере народов саха и ненцев, живущих на территории богатых субъектов России, мы можем объяснить, почему разные группы могли проглотить разный «объем суверенитета». Оба народа являются коренными согласно международному пониманию (Международная организация труда (МОТ), резолюция 169, ст. 1b). В России же существует иная классификация, одним из основных критериев которой является малочисленность народа (Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., № 82-ФЗ), почему такие народы Российской Арктики, как карелы, коми, буряты, саха (якуты) и не считаются коренными малочисленными народами РФ. Не отрицая важности количественных аспектов, мы предлагаем особое внимание уделить связи традиции титульных народов с их практикой управления своей территорией.

Якуты / Саха

В Якутии, в Восточной Сибири, тюркоязычные саха – полукочевые скотоводы (agropastoralists) – контролируют территорию размером с Индию. Народ саха, не малочисленный согласно законам РФ (по данным 2010 г. – 466 492 чел.), является титульной нацией на территории со статусом республики. Саха пытаются активно участвовать в управлении регионом, в процессах добычи алмазов, золота, угля, в нефтегазовой промышленности, что подчеркивает их тягу к контролю над землей. В эпоху перестройки, в 1990 г., была принята Декларация о суверенитете, по которой все недра были объявлены собственностью региона и его жителей (Декларация о суверенитете, Якутск, 27 сентября 1990 г. 226-ХП). Больше суверенитета «проглотила» в РФ только Татарская республика, объявив себя суверенным государством на уровне РСФСР и даже СССР (Декларация о суверенитете ТССР 30 августа 1990 г. № 334-ХП). В Декларации о суверенитете Республики Саха (Якутия) степень независимости от России была выражена немного меньше. В ней речь идет о первенстве Верховного совета региона, который имеет право приостанавливать действующие законы федерального уровня (ст. 2), но при этом Якутия остается частью РСФСР (ст. 1).

Отношения Якутии с федеральным центром в этой новой ситуации регулировались соглашением «О взаимоотношениях между Правительствами Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) по эконо-

мическим вопросам» (31.03.1992)². Наиболее значимым предметом этого соглашения было распределение прибыли от деятельности добывающей промышленности на территории Якутии. Стороны согласились на квоту республики от добытого золота в размере 11,5% и от ювелирных алмазов в размере 20%, которые выкупались Правительством Республики Саха (Якутия). Поскольку алмазы и золото – самые важные полезные ископаемые республики, бюджет региона стал почти полностью формироваться за счет поступлений от алмазов и золота, согласно соглашению от 31 марта 1992 г. (Иванова 2002).

Важнейшим этапом в становлении государственности народа саха стало подписание Федеративного договора³. Он закрепил статус республик в составе РФ и разграничил полномочия между федеральным центром и республиками. Так называемый суверенитет Республики Саха (Якутия) определялся рамками Договора. На этой основе Якутия сформировала свою систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти с достаточно широкими полномочиями. Высший орган законодательной власти, Государственное Собрание Ил (Тумэн), имел право ратификации законов и актов РФ, относящихся к совместному ведению. Т.С. Иванова в своей работе (2002) обращает внимание на то, что ратификация предусматривала утверждение парламентом Якутии федеральных законов, и только после этого они вступали в силу на территории республики. Кроме того, Конституция республики предусматривала приостановление парламентом республики законов и иных нормативных актов Российской Федерации, если они противоречили Федеративному договору, Конституции и законам Республики Саха (Якутия) и ограничивали суверенитет республики, ущемляли права ее народа (Конституция Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г., ч. 1 ст. 581). То есть сохранялось первенство органов власти региона в праве приостанавливать федеральные акты, как это было провозглашено в Декларации о суверенитете (Декларация о суверенитете, Якутск, 27 сентября 1990 г. № 226-ХП, ст. 2).

Надо отметить, что такой вариант развития республики стал результатом общего восприятия идей перестройки в РФ и во многом соответствовал общему характеру взаимоотношений между основными государственно-политическими объединениями СССР–РСФСР. Однако, в отличие от Татарстана, Якутия никогда не воспринимала себя отдельно от России. Парадокс заключался в том, что, объявляя себя суверенной, Якутская республика оставалась частью России.

Последующие реформы, направленные на укрепление федеральной вертикали власти, привели к необходимости приведения Конституции Республики Саха (Якутия) в соответствие с федеральной (Мандзяк 2012). Изменения в первую очередь коснулись экономических основ, а также всех элементов государственно-политической независимости

республики. При этом в Якутии сохранилась тяга к законодательному регулированию отношений человека с природой на своей территории.

В дальнейшем якутские региональные законодатели приняли – первыми из всех субъектов России – ряд законов, касающихся коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и промышленного освоения, которые даже предшествовали законам Российской Федерации. Как правило, эти региональные законы дорабатывались федеральными законодателями, а затем принимались на уровне России. Так это случилось при принятии:

– Конституции Республики Саха (Якутия) (принята 4 апреля 1992 г., приведена в соответствие с федеральной 17 октября 2002 г. 54-3 № 445-II);

– Закона о родовых общинах (принят 23 декабря 1992 г. № 1279-ХIII1992, приведен в соответствие 20.12.2000 г. 3 № 237-II);

– Закона о кочевой школе (принят 22 июля 2008 г. 591-3 № 73-IV, еще нет федерального закона);

– Закона о кочевом жилье для работников традиционных отраслей севера Республики Саха (Якутия) (принят 20 февраля 2004 г. 3 № 245-III, еще нет федерального закона);

– Закона об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (принят 14 апреля 2010 г. 820-3 № 537-IV, еще нет федерального закона).

Также в Якутии разработан проект закона о корпоративной социальной ответственности⁴. Таким образом, в республике сформирована достаточно развитая система регионального законодательства, регулирующая процесс отношений местного населения с промышленными компаниями.

Все эти факты говорят о том, что у якутов присутствует ярко выраженное стремление к самоорганизации, официальному оформлению определенной системы взаимоотношений.

Такая позиция обусловлена и историческим прошлым. Еще до появления русских в XVII в. у саха существовала довольно четкая система самоуправления, которая опиралась на собственную систему социальных иерархий. До своего присоединения к Российской империи территория саха была организована по улусам, населенным несколькими кланами (*аймах*), каждым улусом управлял «уважаемый голова» (*кулуба, бахылык*).

Просвещенческие идеи XVIII в. имели определенный резонанс среди якутской национальной аристократии. Был составлен «Наказ якутов»⁵, который представил русской императрице Екатерине II один из лидеров якутского самоуправления Алексей Аржаков. Документ состоял из двух частей. В первой рассматривалось сложное положение якутов, обремененных выплатой ясака (пушной повинности в пользу России). Во второй части содержались предложения по закреплению зе-

мель за представителями тойонатства (тойон – якутский князь), расширению их административных и судебных функций, а также прошение о повышении их статуса до положения русских дворян. Надо учесть, что именно эта категория русского населения в XVIII в. в результате реформ Екатерины II стала свободной и обладала всеми личными, экономическими и даже прообразом политических прав (право созыва Дворянского собрания). Таким образом, своего рода равенства с русскими дворянами народ саха требовал еще в XVIII в. Но и тогда, как и в XX в., понимали, что центральная власть распространяется на них – иначе не потребовалось бы спрашивать разрешения на свободу у царских, советских или российских властей.

В XIX в., по реформе Сперанского, коренные народы были поделены на категории, принадлежность к которым определяла уровень прав и обязанностей народа. Несмотря на то что якуты были отнесены к разряду кочевых инородцев, им разрешили создать собственный парламент (Степная дума) – представительный, выборный орган, аккредитованный Российской империей. Такое право получили только некоторые кочевые народы Сибири, среди них якуты, эвенки, буряты, хакасы, сагайцы, где власти считали, что феодальные отношения были наиболее развиты. Однако это право – вести собственную политику самостоятельно через свою думу – у якутов существовало недолго. Дума была закрыта уже в 1838 г. По мнению А.А. Борисова, Л.М. Дамешека (2011), это произошло, потому что деятельность Якутской Степной думы вышла за рамки, предусмотренные Уставом Сперанского. Дума пыталась добиться больших прав и свобод для якутского населения и противодействовала вмешательству царской областной администрации и полиции во внутренний уклад жизни якутов.

В начале XX в. якутская национальная интеллигенция признала советскую власть с надеждой на получение государственного статуса и прав Якутской республики. Однако уже к концу 1920-х гг. пришло осознание, что декларируемые большевиками принципы предоставления определенной доли государственной и политической самостоятельности не имеют реального воплощения. В ответ в Якутии предпринимались попытки повысить статус республики с автономной до союзной (программа конфедералистов). Земля должна была быть закреплена за Якутской республикой. В этой программе уже тогда определялось, что республика должна получать процент от добычи полезных ископаемых. Органы власти в такой республике в своих полномочиях должны были быть доведены до союзных (Иванова 2014). Если сравнить программу конфедералистов с Конституцией Республики Саха (Якутия) 1992 г., очевидным становится то, что последняя во многом переняла идеи интеллигенции 1920-х гг.

Ненцы

Ненцы Ямала и Европейского Севера России кочуют с многочисленными стадами домашних оленей по территории крупнейших в мире газовых месторождений. В отличие от народа саха, ненцы не инициировали самоуправление своими природными ресурсами на государственном уровне, не заявляли о собственном суверенитете и не требовали от российских властей права собственности и контроля в отношении своих территорий. Их взаимодействие с промышленностью интенсивно развивается в повседневных отношениях с газовиками. Для поддержания собственного образа жизни в условиях повседневного сосуществования разных видов землепользования ненцы прилагали настолько существенные усилия, что стали всемирно известным примером того, как можно успешно продолжать кочевой образ жизни в окружении крупных газовых промыслов. Ни на территории Ямбургского, Заполярного, Бованенковского, Тамбейского месторождений газа, ни на Варандейском, Южно-Хылы-Юском или других месторождениях нефти ненцы не переставали кочевать со своими многочисленными стадами домашних оленей, и поэтому стали известными как самые успешные и устойчивые оленеводы мира (Forbes et al. 2009; Stammler 2011).

В то время как ненцы имеют названные в их честь административные округа (Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, а ранее также и Долгано-Ненецкий автономный округ), они образуют там абсолютное меньшинство, а районные парламенты состоят из русских или иных славяноязычных граждан РФ. В 2005 г. коренные малочисленные народы Севера потеряли гарантированную квоту, составлявшую трех членов парламента Ямала (Гордиенко 2005), но депутаты коренных народов были избраны даже без такой квоты. Они сосредоточились в своей работе на решении проблем на уровне подзаконных актов и программ исполнительной власти. Так, они добились утверждения в окружных правительствах обоих округов постов в ранге заместителя губернатора по КМНС и учреждения департаментов по КМНС, которые стараются принимать участие в регулировании процессов сосуществования промышленности и кочевого образа жизни. Дополнительно в ненецких округах есть право «вето» ассоциации КМНС на определенные промышленные проекты, что также указывает на ориентацию на решение именно конкретных ситуаций, а не определение общих принципов и положений прав народа в добыче и управлении природных ресурсов, как это наблюдается в Республике Саха (Якутия). Таким образом, у ненцев оленеводческий кочевой образ жизни в промышленных районах регулируется программами исполнительной власти, а не отдельными региональными законами.

До присоединения к России ненцы делились на две экзогамные группы (фратрия Харючи и фратрия Вануйто) и жили как ацефальное общество с плоской лидерской структурой. Каждый род (по-ненецки *еркар*) относится к одной из этих фратрий, или «половин», как ненцы их называют на русском языке. Однако ни фратрии, ни роды не были политическими единицами, как это было у народа саха. У ненцев «уважаемый человек» именуется словом *ерв*, что прежде всего означает «хозяин». Это может быть хозяин земли в смысле духов, но также хозяин стойбища кочевников. Однако его также могли называть *серм`нэртя*, что указывает на решение конкретных задач: *серм`нэртя* можно перевести как «ведущий дела». Соответственно, такой человек выполнял ту же функцию, которую в советском (и современном) оленеводстве выполняет бригадир: определял кто, когда и с кем выходит на дежурство со стадом, принимал решения по маршрутам, сезонному графику кочевья и т.д. (Stammler 2005a: 91). То же самое наблюдается у ненцев в рыболовстве и на охоте, когда временное лидерство и организацию берет на себя тот из равных членов группы, кто считается самым умелым. При этом он не получает особых льгот и сразу же возвращается на место рядового рыбака или охотника, как только находится кто-то еще более умелый. Функции руководителя определялись и определяются до сих пор только по личному умению и авторитету человека (192), что даже важнее, чем возраст. А.В. Головнёв называл такой тип лидерства демократичным (Golovnev 1997: 149). Мы полагаем, что такое лидерство невозможно называть политическим институтом.

Вне рамок непосредственных потребностей выживания и процветания лидеры не появлялись, пока не появлялась особая потребность в поиске выхода из конкретной ситуации (Golovnev 1997). В таких случаях лица, обладающие лучшим навыком для решения этой конкретной задачи, становились временными лидерами до ее решения, после чего занимали свое предыдущее место в оленеводческом хозяйстве и кочевали наравне с остальными. Это же наблюдается и при организации отношений с нефтегазовыми компаниями. Например, при освоении газового месторождения Бованенково на полуострове Ямал такое временное лидерство брали на себя два брата, Сергей и Александр Сэротэтто. Как состоятельные оленеводы с маршрутом кочевья через Бованенково, они сами непосредственно были заинтересованы в решении проблем промышленного освоения и прежде всего в том, чтобы оленеводы могли и дальше пользоваться своими летними пастбищами в районе месторождения, хотя со стороны «Газпрома» было предложено закрыть им доступ (Штаммлер 2008). В переговорах с компанией и муниципалитетом братья Сэротэтто добились подписания соглашений для решения конкретных задач, например организации переходов через трубопроводы, железную дорогу, автодорогу, реки, сохранения свя-

ценных мест и стойбищ (*мядырма*). В этой работе братьям помогали их формальные позиции лидерства в «русских учреждениях» – бригадир самой большой оленеводческой бригады РФ (восьмая бригада Яр Салинского совхоза) и депутат районной Думы. После того как были решены указанные проблемы с «Газпромом», братья опять сосредоточились на своем хозяйстве. Сергей, как пенсионер, отдал восьмую бригаду и стал частным оленеводом, Александр – председателем оленеводческой общины «Харп».

Приведенные выше данные полевых исследований и исторические примеры подтверждают, что ранее установленные принципы власти и лидерства у ненцев почти исключительно полагаются на личные качества, умения и уважение к определенному человеку, который на время становится лидером для выполнения конкретной задачи (Головнёв и др. 2016). Во всех остальных случаях хозяин стойбища остается самым высоким управленческим постом в ненецком обществе (Хомич 1995; Попов 2007).

Единственная ситуация, в которой можно наблюдать традицию формального лидерства у ненцев, выходящую за рамки конкретного человека, – это ситуация наследования оленеводческого хозяйства следующим поколением. Как правило, у ненцев до сих пор практикуется минорат, т.е. хозяйство отца, все права и ответственность, связанная с ними, передаются младшему сыну. В случае богатых хозяйств, собственники которых могли временно стать лидерами в решении конкретных задач, такая общая ответственность может перейти и к наследнику хозяйства. Однако если младший сын – новый хозяин – уступает по личным качествам другим, то он теряет эту функцию. Например, в Се-Яхинском сельсовете на северо-востоке Ямальского полуострова председателем сельсовета был на протяжении многих десятилетий уважаемый Николай Лачевич Окотэтто. При его руководстве трое из его четверых сыновей стали занимать ключевые позиции в сельсовете. Один, Михаил Николаевич, возглавил самую крупную оленеводческую общину Ямала «Илэбц» в начале XXI в. (Stammler 2005b), другой, Игорь Николаевич, наследовал руководство сельсоветом от отца, третий, Станислав Николаевич, возглавил пожарную часть поселка и фактически обеспечивает общественный порядок и является неформальным лидером благодаря своему авторитету. Младший сын Николая Лачевича не стал преемником отца на посту председателя сельсовета, так как личные его качества не считались подходящими, чтобы сохранить место в соперничестве с представителями другого конкурирующего большого рода на северо-востоке Ямала – Вануйто. Этот пример отражает два принципа:

1. Даже когда руководство хозяйством выглядит наследуемым, тем не менее личные качества человека играют решающую роль в ненецкой практике лидерства (Stammler 2005a: 191–192). Например, когда руко-

водство сельсовета назначалось компартией, Николай Лачевич Окотэтто удерживал это место через свой личный авторитет, так же как и после распада Советского Союза, когда этот пост уже определялся через выборы. Потом руководящие места в сельсовете передавались сыновьям не только потому, что они наследники, а потому, что они зарекомендовали себя как отличные специалисты. Безусловно, мы не отрицаем, что отец определенным образом готовил их на эти должности своим примером, позицией, связями, они получили определенные выгодные условия, чтобы проявить себя на данных постах.

2. В руководящих ролях ненцы в более крупных объединениях, таких как сельсовет, родовая община, оленеводческий совхоз или оленеводческая бригада, тем не менее воспринимают себя как *ерв*, как хозяина стойбища или хозяйства, который отвечает за благополучие своих стад и своих семей. Все эти позиции в учреждениях, которые больше, чем стойбище оленеводов, вплоть до государства, воспринимаются ненцами как такие же по структуре и задачам. Это, по сути, русские структуры, в которые ненцы входят, чтобы обеспечить перспективы, стабильность и безопасность своих хозяйств. Это наблюдается даже в участии ненцев в международных организациях, например в Союзе оленеводов мира. Там ненецкие президенты (как Д.О. Хороля) или члены правления (как А.С. Сэротэтто) по цели и задачам могли напрямую сосредоточиться на развитии, сохранении оленеводства и распространении их успешного опыта по ведению оленеводческого хозяйства на другие народы.

На любых уровнях власти и на любых постах лидера у ненцев никогда не наблюдается тяга к увеличению власти и институционализации власти или более принципиальному признанию федеральной властью ненецкой структуры власти или государственности. Насколько мы можем судить по собственным материалам, ненецкие амбиции к увеличению контроля над своими территориями, да и то в шутку, звучали лишь однажды, когда писатель и журналист Хабэча Яунгад на встрече Союза оленеводов России в 2002 г. предлагал три автономных округа ненцев объединить в один общий – Ненецкий край.

Обсуждение результатов

В России Ямал и Якутия считаются успешными регионами в управлении добывающей промышленностью, однако различие подходов в этих регионах удивляет, если учесть, что существует единый централизованный правовой режим. Анализ указанных различий может быть продуктивным при использовании антропологических сведений о традициях социальной организации, структурах родства и управления в сообществах, с которыми взаимодействует промышленность в Россий-

ской Арктике. Для якутов-саха более важны формальные законы, поскольку они имеют давнюю историю интереса и амбиций в создании собственной государственности. Традиционные структуры лидерства – иерархические, и клан является основной социальной единицей коллективного политического лоббирования, как и в соседней Центральной Азии, откуда народ саха первоначально мигрировал в Арктику. Клан саха превосходит профессиональные или другие группы интересов. Вот почему основная юридическая единица землепользования коренного населения в Республике Саха (Якутия) называется «родовая и родоплеменная кочевая община», в то время как на Ямале это объединения по «территориально-соседскому принципу», хотя Федеральный закон позволяет использовать оба термина (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ).

Таким образом, хотя оба народа имеют в своих субъектах федерации статус «титульная нация», у ненцев меньше политической власти, чем у саха. При этом в ненецких округах присутствует более прочная поддержка образа жизни КМНС по сравнению с саха. Ненцы менее инициативны в законодательстве, поскольку они никогда не имели иерархического руководства, интересов и амбиций в создании собственной государственности. Однако в отдельных случаях и конкретных обстоятельствах, а не в принципе, они успешно ведут переговоры по управлению ресурсами в отношении их непосредственных стад оленей, рыболовных и охотничьих угодий. Этот успех лежит в нахождении рациональной «ниши» для своего вида хозяйствования в конкретной практике, в существующей российской государственной рамке, например через отдельные статьи расходов в бюджетах и госпрограммах округов. Саха склонны к более принципиальному решению вопроса не конкретного, только одного случая или ситуации, а к установлению общих правил, прав и законов по участию и контролю в управлении своими территориями.

Это показывает, как изучение систем регулирования, иерархии и управления у определенных народов помогает нам понять разнообразие социальных контекстов, в которых разворачивается деятельность добывающей промышленности в Российской Арктике, несмотря на единое всероссийское централизованное правовое пространство, которое должно быть одинаковым даже в самых отдаленных уголках страны.

Примечания

¹ Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». URL: <http://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit>

² Пресс-служба Ил Тумэна: «Рабочая группа обсудила проект закона о социальной и экологической ответственности компаний-природопользователей на территории Якутии». URL: <http://lawru.info/dok/1992/03/31/n480158.htm>

³ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации. Москва, 31 марта 1992 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/>

⁴ «О социальной и экологической ответственности компаний-природопользователей на территории Республики Саха (Якутия)». URL: <http://iltumen.ru/content/rabochaya-gruppa-obsudila-proekt-zakona-o-sotsialnoi-i-ekologicheskoi-otvetstvennosti-kompan>

⁵ Полное название документа: «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положений для них» (подробнее см. Гоголев 2005, гл. 2).

Литература

- Acosta A.* Extractivism and neoextractivism: two sides of the same curse // *Beyond Development. Alternative Visions from Latin America* / eds. by M. Lang, D. Mokrani. Amsterdam: Transnational Institute, 2013.
- Bolotova A.* Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North // *Europe-Asia Studies*. 2012. № 64 (4). P. 645–671.
- Behnke R.H., Fernandez-Gimenez M.E., Turner M.D., Stammer F.* Pastoral migration: mobile systems of livestock husbandry // *Animal Migration* / eds E.J. Milner-Gulland, J.M. Fryxell, A.R.E. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 144–171.
- Behrends A., Reyna S., Schlee G.* (eds.) *Crude Domination: an Anthropology of Oil*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.
- Forbes B.C., Stammer F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E.* High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106, № 52. P. 22041–22048 + 9 supplementary information.
- Golovnev A.* Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations // *Arctic Anthropology*. 1997. № 34 (1). P. 149–166.
- Nadasdy P.* Adaptive co-management and the gospel of resilience // *Adaptive co-management: collaboration, learning and multi-level governance* / eds. by D. Armitage, F. Berkes, N. Doubleday. Vancouver, B.C.: UBC Press, 2007. P. 208–227.
- Reyna S., Behrends A.* The Crazy Curse and Crude Domination: Towards an Anthropology of Oil // *Crude Domination: an Anthropology of Oil* / eds. by A. Behrends, S. Reyna, G. Schlee. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 1–15.
- Shadian J.M.* *The Politics of Arctic Sovereignty: Oil, Ice, and Inuit Governance*. London: Routledge, 2014.
- Stammer F.* Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land. Münster: Lit Verlag, 2005a.
- Stammer F.* The Obshchina Movement in Yamal: Defending Territories to Build Identities? // *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Postsoviet Siberia* / ed. by E. Kasten, Siberian Studies. Berlin: Reimer, 2005b. P. 109–134.
- Stammer F.* Oil Without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia // *Crude Domination: an Anthropology of Oil* / eds. by A. Behrends, S. Reyna, G. Schlee. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. P. 243–269.
- Stammer F., Ivanova A.* Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 60–72.
- Борисов А.А., Дамешек Л.М.* Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 123–135.
- Гоголев А.И.* *История Якутии*. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2005.
- Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С.* Этнопроект, или Персонализация этничности // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 4 (35). С. 142–148.

- Гордиенко Л. Аборигенов лишили квот в парламентах Ямала. 2005. URL: <http://www.vsluh.ru/news/politics/52993.html>
- Добрецов Н.Л., Похиленко Н.П. Минеральные ресурсы Российской Арктики, проблемы и технологии их освоения // Геология и геофизика. 2010. Т. 51, № 1. С. 126–141.
- Иванова Т.С. Государственность Республики Саха (Якутия): истоки, пути развития, проблемы. Якутск: Якут. филиал Изд-ва СО РАН, 2002.
- Иванова А.А. К проблеме выбора альтернативы государственно-политического развития Якутии в начале XX века // Проблемы и перспективы современного права. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 10–12.
- Мандзяк Р. За двадцать лет Конституция Якутии изменилась до неузнаваемости. 12.06.2012. URL: <http://www.vsesmi.ru/news/6161899/>
- Попов С.Н. Самоуправление в догосударственных обществах // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/samoupravlenie-v-dogosudarstvennyh-obschestvah>.
- Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский Двор, 1995.
- Штаммлер Ф.М. Кочевой образ жизни оленеводов в прибрежной зоне Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3–4 (8–9). С. 78–91.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2017 г.

Ivanova Aytalina A., Stammeler Florian M.

THE DIVERSITY OF NATURAL RESOURCE GOVERNANCE IN THE RUSSIAN ARCTIC

DOI: 10.17223/2312461X/18/12

Abstract. Many indigenous peoples in the Arctic have a longer experience of engaging with its resources than Russians or other peoples who have their own states. What are the governance approaches of these people to the natural resources and their territories, and in what ways do these approaches differ from each other? In this article, we analyse the relationship of two Arctic Russian peoples to natural resources governance on their ancestral lands and to regulative practice by the Federal Russian State, which adopted laws based on the idea of extractivism. We demonstrate the value of studying the tradition of leadership and what we call the ‘craving for statehood’ using two examples, the Sakha and the Nenets people. We explain why the Sakha people try to ensure their participation in the natural resource governance through the adoption of regional laws, while the Nenets concentrate on solving specific problems affecting directly their reindeer herding and fishing lifestyle. This understanding becomes possible by taking into account in detail the history of the culturally specific social structure of a society of a certain people and its own leadership institutions. With this comparison in the article, we demonstrate an unexpectedly rich diversity of natural resource governance and non-Russian legal traditions in the ‘ethnic’ Russian Arctic. It is worth nothing that all this diversity unfolds within the general framework of a single legal space under the umbrella of the constitution of the Russian Federation as a post-Westphalian nation state.

Keywords: indigenous legal traditions, natural resources governance, Arctic extractive industries, extractivism, Sakha (Yakuts), Nenets

References

- Acosta A. Extractivism and neoextractivism: two sides of the same curse. In: Lang M. and Mokrani D. (eds). *Beyond Development. Alternative Visions from Latin America*. Amsterdam: Transnational Institute, 2013.

- Bolotova A. Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North, *Europe-Asia Studies*, 2012, no. 64(4), pp. 645–671.
- Behnke R.H., Fernandez-Gimenez M.E., Turner M.D., Stammler F. Pastoral migration: mobile systems of livestock husbandry. In: *Animal Migration*, eds E.J. Milner-Gulland, John M. Fryxell, Anthony R.E. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 144–171.
- Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011.
- Forbes B.C., Stammler F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A., Kaarlejärvi E. High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2009, Vol. 106, no. 52, pp. 22041–22048 +9 supplementary information.
- Golovnev A. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations, *Arctic Anthropology*, 1997, no. 34(1), pp. 149–166.
- Nadasdy P. Adaptive co-management and the gospel of resilience. In: *Adaptive co-management: collaboration, learning and multi-level governance*. Eds D. Armitage, F. Berkes, N. Doubleday. Vancouver, B.C.: UBC Press, 2007, pp. 208–227.
- Reyna S., Behrends A. The Crazy Curse and Crude Domination: Towards an Anthropology of Oil. In: Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 1–15.
- Shadian J.M. *The Politics of Arctic Sovereignty: Oil, Ice, and Inuit Governance*. London: Routledge, 2014.
- Stammler F. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Münster: Lit Verlag, 2005a.
- Stammler F. The Obshchina Movement in Yamal: Defending Territories to Build Identities? In: *Rebuilding Identities: Pathways to Reform in Postsoviet Siberia*. Edited by E. Kasten, Siberian Studies. Berlin: Reimer, 2005b, pp. 109–134.
- Stammler F. Oil Without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia. In: Behrends A., Reyna S., Schlee G. (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. New York & Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 243–269.
- Stammler F., Ivanova A. Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions, *The Extractive Industries and Society*, 2016, Vol. 3, no. 1, pp. 60–72.
- Borisov A.A., Dameshek L.M. Stepnye dumy Sibiri: istoricheskii opyt samoupravleniia v imperskoi sisteme vlasti [Siberian Steppes Dumas: Historical Experience in Self-Administration within the Empire Government System], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seria: Politologiya. Religiovedenie, 2011, no. 1(6), pp. 123–135.
- Gogolev A.I. *Istoriia Iakutii* [The history of Yakutia]. Iakutsk: Izd-vo IaGU, 2005.
- Golovnev A.V., Perevalova E.V., Belorussova S.Iu. Kisser T.S. Etnoproekt, ili personalizatsiia etnichnosti [Ethnoprojekt, or Ethnicity personalization], *Ural'skii Istoricheskii Vestnik*, 2016, no. 4 (35), pp. 142–148.
- Gordienko L. *Aborigenov lishili kvot v parlamentakh Iamala* [The aboriginals were deprived of their seats in the parliaments of Yamal]. 2005. Available at: <http://www.vsluh.ru/news/politics/52993.html>
- Dobretsov N.L., Pokhilenko N.P. Mineral'nye resursy rossiiskoi arktiki, problemy i tekhnologii ikh osvoeniia [Mineral resources and development in the Russian Arctic], *Geologiya i geofizika*, 2010, Vol. 51, no. 1, pp. 126–141.
- Ivanova T.S. *Gosudarstvennost' Respubliki Sakha (Iakutiia): istoki, puti razvitiia, problemy* [The statehood of the Republic of Sakha (Yakutia): the origins, development paths, and problems]. Iakutsk: Iakutskii filial Izdatel'stva SO RAN, 2002.
- Ivanova A.A. K probleme vybora alternativny gosudarstvenno-politicheskogo razvitiia Iakutii v nachale XX veka [Toward the issue of choosing alternative state and political

- development of Yakutia in the early XX century], *Problemy i perspektivy sovremennogo prava* [Problems and prospects of contemporary law]. Ufa: RITs BashGU, 2014, pp. 10–12.
- Mandziak R. *Za dvadtsat' let konstitutsiia Iakutii izmenilas' do neuznavaemosti* [Over the 20 years, the Constitution of Yakutia has changed beyond recognition]. 12.06.2012 Available at: <http://www.vsesmi.ru/news/6161899/>.
- Popov S.N. Samoupravlenie v dogosudarstvennykh obshchestvakh [Self-governance in pre-state societies], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 17. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/samoupravlenie-v-dogosudarstvennyh-obshchestvah>.
- Khomich L.V. *Nentsy: Ocherki traditsionnoi kul'tury* [The Nenets: essays on traditional culture]. St. Petersburg: Russkii Dvor, 1995.
- Stammler F.M. Kochevoi obraz zhizni olenevodov v pribrezhnoi zone Zapadnoi Sibiri (Iamal): vozmozhnosti i ogranicheniia v svete nedavnikh peremen [The nomadic way of life of reindeer herders in the coastal area of Western Siberia (Yamal): opportunities and limitations in light of recent changes], *Ekologicheskoe planirovanie i upravlenie*, 2008, no. 3–4 (8–9), pp. 78–91.